

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ
СБОРНИК

ВЫПУСК
98 (35)

СБОРНИК
ПАМЯТИ Н. В. ПИГУЛЕВСКОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ • 1998

особенно способствовали контакты и связи между греческими и коптскими христианами. Хотя в V в. 3/4 населения Египта уже было христианским, язычество не умерло. К тому же оно подкреплялось местными традициями, облеченными в греческую форму. Автор решительно опровергает мнение, что египетское и греческое язычество исчезло к тому времени. И в VI в., когда население Египта было уже в основном христианским, греческая поэзия продолжала существовать. Г. В. Бауерсок ставит под сомнение и борьбу «не на жизнь, а на смерть» между христианами и язычниками Египта, которую рисуют отцы церкви. Живучесть эллинизма исследователь объясняет еще и тем, что он являлся гарантом продолжения существования локальных культур (с. 55—67).

Завершает работу взгляд автора на судьбу греческой культуры после мусульманского завоевания (Гл. 6. Эллинизм и ислам). Г. В. Бауерсок замечает, что за многие века эллинизм тесно сросся с семитской культурой и продолжал оказывать влияние на жителей и завоевателей Ближнего Востока. Администрация арабских государств широко использовала греческий язык, продолжалось изучение философии. Эллинское наследие способствовало формированию «арабского национализма». Влияние этого наследия можно отчетливо проследить на новейших археологических материалах (с. 74—81). Г. В. Бауерсок не считает свои выводы окончательными и бесспорными. Проблема, по его мнению, еще нуждается в дальнейшей разработке.

Работа Г. В. Бауерсока, в известной мере обобщающая по своему характеру и подводящая во многом итоги его предшествующих исследований, основана на изучении широкого круга памятников не только идеологии, но и культуры, значительно расширяет представления о роли и влиянии эллинистических традиций в жизни и становлении ранневизантийского христианского общества.

А. А. Новиков

Chesnut G. F. The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret and Evagrius. Second Edition. Macon (GA), 1986. 265 p.

То, что мы держим в руках второе, значительно исправленное по сравнению с первым, издание книги Г. Ф. Чеснута, говорит о том, что она крайне необходима для всех, кто интересуется затронутой в этой книге темой. Византистика (не только отечественная, но и западная) уделяла ранневизантийской церковной историографии столь мало внимания, что любое исследование в этой области становится событием. Хотя в последнее время, благодаря усилиям Ф. Винкельмана, Р. Маркеса, С. Кальдероне, Р. Гранта, Т. Барнса и М. Гедке, удалось в определенной мере изменить ситуацию, многие вопросы остаются неразрешенными, ибо ученые обращались преимущественно к «Церковной истории» Евсевия, причем рассматривали ее, как правило, в перспективе религиозно-полити-

ческих интенций автора. Работа же Г. Ф. Чесната ставит прежде всего проблему философско-исторического аспекта мировоззрения всей церковно-исторической традиции от Евсевия до Евагрия — проблему, которая серьезно не исследовалась после Ж. Сириной (1960 г.), хотя и тот ограничил себя изучением лишь первого церковного историка.

К сожалению, византилисты по сути дела проигнорировали появление книги Г. Ф. Чесната. На фоне многочисленных откликов на монографии Р. Гранта «Евсевий как церковный историк» (1980 г.) и Т. Барнса «Константин и Евсевий» (1981 г.) две рецензии на «Первые христианские истории» (Ф. Винкельмана — *Byzantinische Zeitschrift*. 1981. Т. 74. Р. 60—63 и Э. Ремакля — *Byzantion*. 1983. Т. 53. Р. 380—382) выглядят более чем скромно. Исследования философских основ мировоззрения византийских историков до сих пор вызывают сдержанное отношение специалистов в этой области, которые предпочитают источниковедческие и теоретико-политические штудии.

Тем не менее книга Г. Ф. Чесната достойна внимательного прочтения. Автор отказывается от исследования таких вопросов, как взгляды церковных историков на теологические споры того времени и на взаимоотношения церкви и государства. В первую очередь его интересуют проблемы свободы воли и детерминизма, провидения и случайности, циклизма и прогресса истории, христианской концепции императора. Анализ осуществляется в широком контексте античной философии и историографии, а также в сравнении со светскими историками IV—VII вв. и с западной христианской традицией, прежде всего с Августином. Г. Ф. Чеснат видит в представителях евсевиянской линии последователей учения Оригена. По его мнению, они приняли оригеновскую доктрину свободы воли, полностью отвергнув различные виды детерминизма и, особенно, идею слепой судьбы, столь любимую греко-римскими историками. Другим ключевым моментом исследования оказывается интерпретация модифицированного Евсевием и его продолжателями античного понятия Фортуны. Автор показывает, в частности, что у Евсевия Фортуна превращается в «случай» — результаты столкновения нескольких независимых причинно-следственных цепей, не имеющие ничего общего с чудесами (с. 41—47).

Г. Ф. Чеснат предлагает необычную трактовку евсевиянской концепции провидения: «...провидение не является механической, детерминистической формулой вознаграждение—наказание, но моральным ограничителем, который прошлое налагает на настоящее, когда настоящее (и будущее) рассматривается как арена реализации свободы воли в перспективе Бога» (с. 51), т. е. в рамках Логоса как рациональной структуры бытия и истории. Что касается роли Бога в истории, то автор находит у Евсевия четыре формы божественного вмешательства, среди которых самым важным он считает «сюнергизм» — сотрудничество Бога и свободных в своем выборе индивидов (с. 59—60).

Ученый разделяет оценку христианских историков Востока как разработчиков теории исторического прогресса. Он постоянно указывает на существование в их трудах «оптимистического» взгляда на земную судьбу христианства, прямо противоположного «пессимистической» концепции Августина (с. 199 и т. д.). Но

не только здесь Г. Ф. Чеснат видит различие между Августином и его восточными коллегами. Другая область разногласий — проблема иррациональных мотивов в истории. Если Евсевий, как утверждает автор, отрицал их значение, то в «Исповеди» епископа Гиппонского им придавалась особая важность (с. 61—62 и гл. V).

В заключительной части работы ставится проблема церковно-исторической концепции императора. Исследователя интересует вопрос, в какой степени эта концепция была связана с античными традициями. Среди самых главных отличий он выделяет отказ Евсевия и его последователей от идеи «царя-философа». С его точки зрения, центральным пунктом христианской теории становится идеал императора-полувоина, императора-полумонаха (с. 243—250).

Это далеко не полный перечень тех вопросов, которые затрагивает Г. Ф. Чеснат. Мы остановились только на самых существенных, которые, по нашему мнению, составляют концептуальную основу данного исследования. Многие из них дискуссионны, но имеют право на существование. Поэтому мы ограничимся лишь несколькими замечаниями. Отдавая дань предшествующей традиции, автор сосредоточивает свое внимание прежде всего на Евсевии (2/3 работы). В части же, посвященной Сократу, Созомену, Феодориту и Евагрию, он преуменьшает самостоятельность этих церковных историков, хотя и не рассматривает их как простых продолжателей Евсевия. Вряд ли можно считать правомерным и стремление вывести историческую концепцию Евсевия, опираясь главным образом на его догматические и полемические сочинения, а не на саму «Церковную историю». Не всегда уместными кажутся также весьма вольные сравнения, как, например, Евсевия с Фрейдом (с. 54—55), Сократа с деистами XVIII в. (с. 120—121) и т. п.

Подводя итог, скажем, что книгу Г. Ф. Чесната отличают смысловая насыщенность текста и оригинальность многих заключений. Автор демонстрирует широкую эрудицию, что позволяет читателю осмыслить статус церковных историков в рамках мировой историографии. Умело сочетая исторический и философский подходы, ученый предлагает действительно современное исследование проблем церковно-исторической мысли. Оно является солидной основой для их дальнейшей разработки.

И. В. Кривушин

Мглоблишвили Т. Г. Кларджетский многоглав. Тбилиси: «Мецниереба», 1991. 496 с. На груз. яз. с англ. резюме.

Новая книга известной грузинской исследовательницы представляет собой издание и подробный источниковедческий и кодикологический анализ одной из древнейших грузинских рукописей, которая по содержанию является литургическим сборником, включающим в свой состав преимущественно гомилии — торжественные слова. Такой сборник, наряду с лекционарием и тропологием, обеспечивал потребности христианского богослужения в